

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-82-4-218-223

**СИНТЕЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО
В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОМ ТРАКТАТЕ М. Н. МУРАВЬЕВА
«РАССУЖДЕНИЕ О РАЗЛИЧИИ СЛОГОВ ВЫСОКОГО,
ВЕЛИКОЛЕПНОГО, ВЕЛИЧЕСТВЕННОГО, ГРОМКОГО, НАДУТОГО»**

© Татьяна Слепухина, Алексей Пашкуров

**THE SYNTHESIS OF FICTION AND NON-FICTION IN THE LITERARY
AND CRITICAL TREATISE “REFLECTIONS ON THE DIFFERENCE
BETWEEN HIGHFLOWN, GRANDILOQUENT, STATELY, LOUD AND
POMPOUS STYLES” BY M. MURAVYOV**

Tatiana Slepukhina, Alexey Pashkurov

The paper examines the methods of synthesizing non-fictional and fictional content in the literary and critical treatise “Reflections on the Difference between Highflown, Grandiloquent, Stately, Loud and Pompous Styles” by M. Muravyov, one of the leading Russian figures of literary culture in the second half of the 18th–early 19th centuries. The research is conducted in the context of the problem concerning the artistic understanding of the role of style, style in aesthetics, moral philosophy and rhetoric. To provide a complete review, we use data on the aesthetic views of M. Muravyov, revealing the relation of the formal organization of the text to its content, the role of the documentary genre features and literary and artistic techniques. The article determines the innovative vector of the author’s thought in solving the classical theory of three styles. We investigate the ways the individual author’s style influences the language of the critical treatise and the complex of his artistic and expressive means. The attitude to the style and its power gradually reveals M. Muravyov’s poetics in his deeply personal perception of art as a way of comprehending the artist’s soul. In the treatise under study, the word is presented as a central object of thought, as well as a tool for declaring an individual author’s attitude to the problem of the highflown style function in literature. Against the background of the broad context of the historical and literary process, we analyze the role of the writer’s personality, located on the periphery of two time periods, at the junction of two trends, documentary and fictional. M. Muravyov, the author of the treatise, actualizes the problem of the synthesis of documentary and fictional principles through the selection of material, the selection of key texts by ancient authors and their representation in the system of new artistic tasks of Russian literature. The study of the literary-critical treatise through the biographical, structural-typological, historical-typological methods and the methods of complex analysis serves as an additional basis for confirming the key theoretical provisions of our work.

Keywords: M. Muravyov, documentality, literary and artistic techniques, individual author’s consciousness, phenomenon of the literary process genesis, personality of the writer

В работе рассматриваются приемы синтезирования документального и художественного в литературно-критическом трактате одного из ведущих отечественных деятелей литературной культуры России второй половины XVIII – начала XIX века М. Н. Муравьева – «Рассуждение о различии слогов высокого, великолепного, величественного, громкого, надутого». Исследование проведено в контексте проблемы художественного осмысления роли слога, стиля в эстетике, нравственной философии и риторике. Для полноты обзора нами привлекаются и данные по эстетическим взглядам М. Н. Муравьева. Выявляется отношение формальной организации текста к содержанию, роль признаков документального жанра и литературно-художественных приемов. Определяется новаторский вектор авторской мысли в решении классической теории трех стилей. Исследуются пути влияния индивидуально-авторского стиля писателя на язык критического трактата, комплекс используемых художественно-выразительных средств. Отношение к слогу, его силе поэтапно открывает поэтику глубоко личного восприятия М. Н. Муравьевым искусства как способа постижения души художника. Слово в исследуемом трактате представлено в качестве центрального объекта мысли, равно как и инструмент декларации индивидуально-авторского отношения к проблеме

функционирования высокого слога в литературе. На фоне широкого контекста историко-литературного процесса нами в данной статье анализируется роль личности писателя, находящегося на периферии двух временных периодов, на стыке двух тенденций, документального и художественного. Проблема синтеза документального и художественного начал актуализируется Муравьевым, автором трактата, также через выбор материала, отбор ключевых текстов античных авторов и репрезентации их в системе новых художественных задач российской словесности. Исследование литературно-критического трактата через биографический, структурно-типологический, историко-типологический методы, приемы комплексного анализа служат дополнительным основанием для подтверждения ключевых теоретических положений работы.

Ключевые слова: М. Н. Муравьев, документальность, литературно-художественные приемы, индивидуально-авторское сознание, феномен генезиса литературного процесса, личность писателя

Для цитирования: Слепухина Т., Пашкуров А. Синтез документального и художественного в литературно-критическом трактате М.Н. Муравьева «Рассуждение о различии слогов высокого, великолепного, величественного, громкого, надутого» // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 4 (82). С. 218–223. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-82-4-218-223

Документальные и художественные тексты широко представлены во всех сферах искусства, они активно взаимодействуют друг с другом в разной степени влияния. Примеры интегрирования документального в художественное более частотны, на наш взгляд. Выявление же документального начала именно на уровне организации текста проводится исследователями значительно реже. М. Н. Муравьев – выдающийся лирический писатель России XVIII в., литературный критик, теоретик искусства, воспитанный принципами «фиксации событий, которые оказали и могли оказать влияние на государственную систему», и идеями «развития внутренних возможностей отдельного человека» соединил в своем творчестве и строгость формы, и личностное начало [1, с. 10].

Принципы языка и особенности его образования, описываемые М. Н. Муравьевым, являются общевременными и значимыми как для литературного процесса того времени, так и для литературы в целом. Проблема языка всегда находилась в центре внимания писателя, причем – в самых различных историко-культурных контекстах (см. подр., напр., в монографии В. Н. Топорова: [2, с. 778]). М. Н. Муравьев как преподаватель русской истории, словесности и нравственной философии, исследователь и переводчик глубоко понимал значение слова и его эволюции в области литературы и культуры в целом.

10 декабря 1776 г. на заседании Вольного Общества при Императорском Московском университете молодой писатель представил свой программный трактат «Рассуждение о различии слогов высокого, великолепного, величественного, громкого, надутого» (комплексный анализ трактата в аспектах философско-эстетического и жанрового мировоззрения М. Н. Муравьева см. в исследовании А. Н. Пашкурова и О. В. Мясникова: [3]).

С проявлением художественного начала четко связаны такие рассматриваемые М. Н. Муравьевым проблемы, как методы художественного воздействия слова, богатство образных средств языка, принципы творческой выразительности, место и роль авторского «Я».

Документальное начало определяет внешнюю организацию текста, в котором вопрос развития русского литературного языка представлен на фоне истории мировой культуры, равно как и достижений предшественников молодого литератора в данном направлении.

Проблема языка, его функционирования во многих трудах М. Н. Муравьева сопрягается с общефилософской проблемой нравственности, которая, в свою очередь, распространяется «...на общество, на людей, его составляющих» [2, с. 715]. Ответственность за сохранение и развитие языковой и духовно-нравственной культуры, по мнению писателя, разделяется между самим человеком, государством и его институтами. Закономерно поэтому, что трактат, посвященный этим важнейшим проблемам, вынесен на публичное слушание.

Слог как центральное явление художественного стиля напрямую связан как с синтезом различных областей гуманитарного филологического знания (риторика, языкознание, стиховедение и ряд других), так и с общими процессами зарождения и развития литературного языка в системе литературной культуры. При этом налицо и преемственность с актуальными явлениями художественного творчества. Все это и дает нам возможность исследовать критический трактат «Рассуждение о различии слогов...» в свете синтеза двух форм, двух начал – документального и художественного.

В аспекте связи документального и художественного можно проследить, как расширяются рамки самой структуры текста. Развертываю-

щийся процесс художественных приемов и их функционирования идет рядом с «фиксацией состояния», как предлагают определять современные исследователи поэтики документальных жанров [4, с. 19]. Эмоциональный спектр концентрируется на авторе, который, по наблюдениям самого М. Н. Муравьева,

«...понимая высокую мысль, устремляет все свое внимание к основательности и силе оной, и изображает ее просто, но сильно... понимает ее только с той стороны, которая наиболее обещает его воображению... представляя ее же, того только смотрит, под какими бы чертами могла она соединить более прелестей для согласия» [6, с. 4–5].

М. Н. Муравьев в своей программной речи обращен к опыту литературных предшественников, выступавших нередко и теоретиками языка, и философами. На примерах из теоретических и поэтических произведений Гомера, Вергилия, Овидия и ряда других звездных авторов классической эпохи античности, молодой теоретик стремился проникнуть в глубину художественного мастерства писателей, определить индивидуально-авторские черты их творчества, выявить «все изящество великих умов древности... их словесность» [5, с. 189]. Так, язык Горация, в его восприятии, уклоняется от несоразмерности силы слога и мысли, им выражаемой, поскольку:

«... не довольно слогу быть высоким, ежели он вместе и не сладостен и не может увлекать, куда хочет, души слушающих» [6, с. 6].

После рассмотрения динамики документального начала на пространстве языка и стиля, М. Н. Муравьев обращается и к ключевым тенденциям развития русской литературы. Главное, над чем он размышляет, – вехи панорамной картины функционирования высокого слога в художественных произведениях. Вопросы историко-литературного контекста в палитре индивидуального диалога с традициями философии других культурно-исторических эпох подробно рассмотрены в монографии А. Н. Пашкурова [7]. Новая для времени Муравьева фаза развития литературного языка в значительной степени «отстает» от слога и эстетики Древней Греции. К примеру, сравнивая Буало и Горация, Михаил Муравьев подчеркивает:

«Не найдется, я думаю, совершеннее подражания Буалова; но сколько ни старался он ступать в следы Горациевы, все еще осталось в его сочинениях свидетельство против него самого, что он более был рожден Ювеналом, нежели Горацием» [6, с. 3].

В итоге все встраивается в контекст как вопроса владения величественным слогом, так и сквозной проблемы рецепции античной культуры в России.

В обращении к писателям прошлого прослеживаются не только стремление к осмыслению литературного мастерства художников слова, но и основные принципы эстетики М. Н. Муравьева. Понимание искусства для писателя сосредоточивается в локусе личностного восприятия. Стремления авторов, их взгляд на действительность, особое чувствование устройства мысли и силы ее выражения – вот что действительно важно для М. Н. Муравьева. Опора на субъективный локус мировоззрения смещает художественные акценты ранее выдвинутого представления о системе функционирования мысли и высокого слога в художественных произведениях:

«Известно, что слог приемлет различные изменения и свойства менее словами, нежели самим содержанием дела» [Там же, с. 4].

М. Н. Муравьев в исследуемом тексте следует веяниям нового идеала в литературе, видит в «произведении искусства его творца как личность» [8, с. 269]. Отсюда и переосмысление, а частью и отрицание основных положений классицизма, образующих только внешний слой теории документализма.

Центральной идеей муравьевской художественной концепции выступает идея о личностных особенностях души художника, глубине его чувств и эмоциональных состояний:

«...есть нечто напечатанное в душе нашей, которое выражением нашим владеет. Природа или привычка его образует, но всякий имеет свой собственный слог» [6, с. 3].

Принципы классической классификации стилей под взглядом писателя пересоздаются законами «собственного восприятия именно как личного переживания» [8, с. 271].

Внешнее тематическое единство, раскрывающее соотношения слога и его силы влияния, оказывается подступом к раскрытию авторского видения искусства. На основе этого высказывания можно определить двойственность в организации текста. В отношении его формальной организации как манифеста с художественным содержанием и в решении классической теории в рамках эстетики романтизма.

Документальное начало в речи М. Н. Муравьева определяется в контексте общих критериев документов XVIII в., первого века новой отечественной литературы (в региональном ас-

пекте этот вопрос рассмотрен в монографии О. В. Трофимовой: [9]).

На уровне языковой организации критический трактат М. Н. Муравьева, несмотря на определенные отступления, также может быть рассмотрен в свете изучения современными филологами феномена документальных текстов той эпохи [10], [11].

По ходу представления проблемы М. Н. Муравьев нередко берет за основу ряд классических художественных произведений античности, из которых избирательно цитирует ключевые фрагменты: допустим, делает пространную выписку из описания мифологического чудовища у Вергилия [6, с. 8]. Вкрапления подобных литературных элементов осуществляется в соответствии с «принципами филологического анализа документа», по классификации А. Н. Качалкина [12, с. 47]. Как видим в итоге, при определении документального в тексте исследуемого писателя отрывки из произведений античных авторов выступают в качестве авторитетного документа, раскрывающего программу выступления.

Вместе с тем М. Н. Муравьев не наследует все принципы жанровой структуры документального текста в изображении исторических лиц. Исключается любое «портретное ... описание, реконструкция бытовых картин» [13, с. 478]. Писателем выводятся черты поэтических приемов, изгибы силовых линий слогов, векторы движения человеческих чувств в художественных произведениях великих литераторов. Один из ключевых рефренов при этом – художественный синтез анализа с включением метафорических картин природы:

«Всегда приятно будет нам видеть на картине равнинами пресеченные бугры, из гор изсунувшийся камни, и то с которых быстро низвергающиеся, то тихо текущие волны» [6, с. 11].

Образы античных авторов в рамках манифестной речи приобретают в период написания муравьевского текста характер некоей аксиомы. Примеры, показывающие индивидуальный стиль выдающихся писателей, введены в пространство текста для исследования и «документальной» трансляции приемов художественного мастерства, а не для художественного изображения личностей самих авторов. Это отражает важнейший вектор литературной культуры той эпохи, стремившейся «...проникать во все уровни культурной жизни...» [14, с. 88]

В итоге перед нами – начальный этап сложных и показательных процессов, нашедших свое продолжение и развитие и в последующие периоды. Основание – общее: писательская крити-

ка «...стремится к лаконизму, выразительности, поэтике впечатлений, активному выявлению авторского „Я“, с той целью, чтобы «границы жанров раздвинулись за счет синтеза... документального и художественного начал...» [15, с. 27]

В литературно-критическом трактате М. Н. Муравьева обнаруживается и еще один важный рефрен: это акцентирование особой роли личности писателя. Сразу подчеркнем, что это явление выступает характерной тенденцией для периода развития жанра документального произведения в 60-е гг. XVIII в.

Однако в способе изложения материала через призму научного исследования, тяготеющем к некоторому принципу «ученичества М. Н. Муравьева у древних» и эмоционально-чувственного восприятия, нами прослеживаются приемы, опережающие время написания [16, с. 84]. «Рассуждение о различии слогов...» – один из путей творческого поиска писателя, результат авторского умения вводить «новаторские находки в канонические жанры» [17, с. 4].

Писатель в своей манифестной речи через проблему преемственности литературных приемов и принципов функционирования высокого слога раскрывает не только проблему культурного генезиса, но и вопрос индивидуально-авторского развития. В исследуемой работе мы находим приметы отхода от разумного подражания образцам на уровне текста. Это и преломление классической теории трех штилей М. В. Ломоносова, и сплавление жанрового состава документа с элементами художественного текста в единый творческий синтез.

Критический трактат М. Н. Муравьева «Рассуждение о различии слогов высокого, величественного, громкого, надутого» выступает примером мастерского синтеза документального и художественного, органично развертывающего проблему эволюции литературного языка сквозь призму историко-культурного процесса и творческих поисков самого писателя.

Список источников

1. Билинкус М. Я. Взаимоотношения документальных жанров и беллетристики в русской литературе 60-х годов XVIII века: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979. 170 с.
2. Топоров В. Н. Из истории русской литературы. Т. II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Книга I. М.: Языки русской культуры, 2001. 912 с.
3. Паикуров А. Н., Мясников О. В. М. Н. Муравьев: Вопросы поэтики мировоззрения и творчества

(К 250-летию писателя и 200-летию Казанского университета). Казань: 2004. 128 с.

4. Явчуновский Я. И. Документальные жанры: Образ, жанр, структура произведения / Под ред. проф. П. А. Бугаенко. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. 231 с.

5. Кошанский Н. Ф. На кончину Михаила Никитича Муравьева // Вестник Европы. М., 1807. Ч. XXXV. № 19. С. 189–196.

6. Муравьев М. Н. Рассуждение о различии слогов высокого, великолепного, величественного, громкого и надутого // Опыт трудов Вольного Российск. собрания при Императорском Московском ун-те. М., 1783. С. 1–24.

7. Пашкуров А. Н. М. Н. Муравьев и литературная культура: Диалог восприятий: научная монография. Казань, 2019. 198 с.

8. Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л.: Художественная литература, 1938. 316 с.

9. Трофимова О. В. Тюменская деловая письменность: 1762–1796 гг. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2002. 826 с.

10. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 591 с.

11. Тарабасова Н. И. О некоторых особенностях языка деловой письменности // Источниковедение и история русского языка. М.: Наука, 1964. С. 157–165.

12. Качалкин А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи. Ч. 2: Филологический метод анализа документов. М.: Изд-во МГУ, 1988. 120 с.

13. Громова А. В. Жанровая система творчества Б. К. Зайцева: литературно-критические и художественно-документальные произведения: дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2009. 522 с.

14. Гуминский В. М. Документально-художественная литература в России XVIII–XIX вв. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 576 с.

15. Крылов В. Н. Русская символистская критика (1890–1910-е гг.): генезис, типология, жанровая поэтика: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2007. 508 с.

16. Ивинский А. Д. Переводы М. Н. Муравьева из античных авторов (по материалам ОР РГБ) / отв. ред. В. М. Гуминский. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 83–129.

17. Пашкуров А. Н. Жанровые особенности поэзии М. Н. Муравьева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1997. 25 с.

References

1. Bilinkis, M. Ya. (1979). *Vzaimootnosheniya dokumental'nykh zhanrov i belletristiki v russkoi literature 60-kh godov XVIII veka: dissertatsiya kandidata filologicheskikh nauk* [The Relationship of Documentary Genres and Fiction in Russian Literature of the 1760s]. 170 p. Leningrad. (In Russian)
2. Toporov, V. N. (2001). *Iz istorii russkoi literatury. Vol. II. Russkaya literatura vtoroi poloviny XVIII veka: Issledovaniya, materialy, publikatsii. M. N. Muravyov: Vvedenie v tvorcheskoe nasledie. Kn. I* [Russian Literature of the Second Half of the 18th Centu-

ry: Research, Materials, Publications. M. N. Muravyov: An Introduction to the Creative Heritage. Book I]. 912 p. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. (In Russian)

3. Pashkurov, A. N., Myasnikov, O. V. (2004). *M. N. Muravyov: Voprosy poetiki mirovozzreniya i tvorchestva (K 250-letiyu pisatel'ia i 200-letiyu Kazanskogo universiteta)* [Issues of the Poetics of Worldview and Work (Dedicated to the 250th anniversary of the writer and the 200th anniversary of Kazan University)]. 128 p. Kazan. (In Russian)

4. Yavchunovskii, Ya. I. (1974). *Dokumental'nye zhanry: Obraz, zhanr, struktura proizvedeniia* [Documentary Genres: Image, Genre, Structure of the Work]. 231 p. Saratov, izd-vo Sarat. un-ta. (In Russian)

5. Koshanskii, N. F. (1807). *Na konchinu Mikhaila Nikiticha Muravyova* [On the Death of Mikhail Nikitich Muravyov]. *Vestnik Evropy*. pt. XXXV. No. 19, pp. 189–196. Moscow. (In Russian)

6. Muravyov, M. N. (1783). *Rassuzhdenie o razlichii slogov vysokogo, velikolepnogo, velichestvennogo, gromkogo i nadutogo* [Reflections on the Difference between Highflown, Grandiloquent, State-ly, Loud and Pompous Styles]. Pp. 1–24. Moscow, Opyt trudov Vol'nogo Rossiisk. sobraniya pri Imperatorskom Moskovskom un-te. (In Russian)

7. Pashkurov A. N. (2019). *M. N. Muravyov i literaturnaia kul'tura: Dialog vospriatii: nauchnaia monografiia* [M. N. Muravyov and Literary Culture: A Dialogue of Perceptions]. 198 p. Kazan. (In Russian)

8. Gukovskii, G. A. (1938). *Ocherki po istorii russkoi literatury i obshchestvennoi mysli XVIII veka* [Essays on the History of Russian Literature and Social Thought of the 18th Century]. 316 p. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)

9. Trofimova, O. V. (2002). *Tiumenskaya delovaya pis'mennost': 1762–1796 gg.* [Tyumen Business Writing: 1762–1796]. 826 p. Tyumen, izd-vo Tiumen. gos. un-ta. (In Russian)

10. Zhivov, V. M. (1996) *Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka* [Language and Culture in Russia of the 18th Century]. 591 p. Yazyki russkoi kul'tury. Moscow, Shkola. (In Russian)

11. Tarabasova, N. I. (1964). *O nekotorykh osobennostyakh yazyka delovoi pis'mennosti* [On Some Features of Business Writing Language]. Pp. 157–165. Moscow, Nauka. (In Russian)

12. Kachalkin, A. N. (1988). *Zhanry russkogo dokumenta dopetrovskoi epokhi. Ch. 2: Filologicheskii metod analiza dokumentov* [Genres of the Russian Document of the Pre-Petrine Era. Pt 2: The Philological Method of Document Analysis]. 120 p. Moscow, izd-vo MGU. (In Russian)

13. Gromova, A. V. (2009). *Zhanrovaia sistema tvorchestva B. K. Zaitseva: literaturno-kriticheskie i khudozhestvenno-dokumental'nye proizvedeniya: dissertatsiya doktora filologicheskikh nauk* [The Genre System of B. K. Zaitsev's Work: Literary-Critical and Artistic-Documentary Works: Doctoral Thesis]. Orel, 522 p. (In Russian)

14. Gumin'skii, V. M. (2022). *Dokumental'no-khudozhestvennaya literatura v Rossii XVIII–XIX vv.*

[Documentary Fiction in Russia of the 18th –19th Centuries]. 576 p. Moscow, IMLI RAN. (In Russian)

15. Krylov, V. N. (2007). *Russkaya simbolistskaya kritika (1890–1910–e gg.): genezis, tipologiya, zhanrovaya poetika: dissertatsiya doktora filologicheskikh nauk* [Russian Symbolist Criticism (1890–1910): Genesis, Typology, Genre Poetics: Doctoral Thesis]. Kazan, 508 p. (In Russian)

16. Ivinskii, A. D. (2022). *Perevody M. N. Muravyova iz antichnykh avtorov (po materialam OR*

RGB) [M. N. Muravyov's Translations from Ancient Authors (based on the materials from the Russian State Library of Fine Arts)]. Pp. 83–129. Moscow, IMLI RAN. (In Russian)

17. Pashkurov, A. N. (1997). *Zhanrovye osobennosti poezii M. N. Muravyova: avtoreferat dissertatsii kandidata filologicheskikh nauk* [Genre Features of M. N. Muravyov's Poetry: Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan, 25 p. (In Russian)

The article was submitted on 10.10.2025

Поступила в редакцию 10.10.2025

Слепухина Татьяна Олеговна,
магистрант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
slepukhina.tanja@mail.ru

Пашкуров Алексей Николаевич,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
anp.72@mail.ru

Slepukhina Tatiana Olegovna,
Master student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
slepukhina.tanja@mail.ru

Pashkurov Aleksey Nikolaevich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
anp.72@mail.ru